

Люси Мод Монлгомери

Аня из Зеленых Мезонинов

Художник Ким Джихёк

Перевод
М. Ю. Батищевой

Бумажный
фонарик

Предисловие

Имя канадской писательницы Люси Мод Монтгомери (1874 — 1942) совершенно неизвестно русскому читателю, а между тем ее произведения вот уже много лет пользуются огромным успехом как во всех англоязычных, так и во многих других странах, — они почти ежегодно издаются миллионными тиражами в США, Канаде, Англии, Австралии, появляются в переводах на другие языки, на их основе созданы театральные постановки и кинофильмы, а городок Кавендиш на острове Принца Эдуарда, где родилась, жила, творила и похоронена писательница и где происходит действие ее книг, стал одной из достопримечательностей Канады и местом паломничества многочисленных туристов.

Биография писательницы самая обычная: она рано лишилась родителей и воспитывалась у дедушки с бабушкой, затем училась в университете, работала сельской учительницей, вышла замуж за пресвитерианского пастора и воспитывала двух сыновей. Но 1908 год, когда в Соединенных Штатах вышла из печати ее первая книга «Аня из Зеленых Мезонинов», в основу которой легли детские

впечатления писательницы, стал важной датой не только в ее жизни, но и в жизни многих поколений девочек и девушек во всем мире. Успех книги был немедленным и неслыханным. Марк Твен горячо приветствовал ее появление и назвал рыжеволосую героиню Монтгомери «самым трогательным и очаровательным ребенком художественной литературы со времен бессмертной Алисы».

После выхода в свет первой книги писательница получила тысячи писем с просьбой продолжить историю Ани. И тогда появились следующие произведения, повествующие о судьбе Ани-подростка, девушки и, наконец, взрослой женщины («Аня из Авонлеи», «Аня с острова Принца Эдуарда», «Аня из Шумящих Тополей», «Анин Дом Мечты», «Аня из Инглсайда»), и другие, сюжетно связанные с ними повести об Авонлее и ее обитателях, встретившие не менее восторженный прием у читательской аудитории.

Творчество и биография Л. М. Монтгомери стали предметом множества книг, статей, исследований. Если первоначально к ее произведениям применялись критерии детской литературы, то в последние двадцать лет в связи с развитием феминистского направления в литературной критике исследователи интересуются присущим ее творчеству глубоким подходом к вопросам становления личности женщины и анализируют его, применяя стандарты «литературы для взрослых», а не «детской классики».

Повествование о вхождении девочки или девушки в мир, где роль женщины во многом определяется патриархальными традициями, приобретает более глубокий смысл, становясь рассказом о борьбе женщины творческого склада за духовное выживание.

Хотя все эти книги обращены в первую очередь к юным читательницам, их, несомненно, с большим интересом и удовольствием прочтут и взрослые, ибо это оригинально, талантливо и с юмором написанные произведения, дышащие жизненной правдой и добротой и оставляющие в душе читателя светлое чувство.

М. Ю. Батищева

Посвящается памяти моих отца и матери

*Добрые звезды в твоём гороскопе:
Вся ты — и дух, и огонь, и роса.*

Браунинг

Глава 1

Миссис Рейчел Линд удивляется

Дом миссис Рейчел Линд стоял как раз в том месте, где широкая дорога, ведущая в Авонлею, ныряла в небольшую долину, окаймленную с обеих сторон зарослями ольхи и папоротников, и где ее пересекал ручей, который брал свое начало далеко, еще в лесах, окружавших старый двор Касбертов. Там, в начале своего течения, этот ручей был капризным и своевольным, прыгал каскадами и разливался небольшими темными и таинственными прудами, но к тому времени, когда он добирался до Долины Линд, это уже был спокойный, благовоспитанный маленький поток, потому что даже ручей не мог протекать мимо дома миссис Рейчел Линд без должного соблюдения приличий. Он, вероятно, отдавал себе отчет в том, что миссис Рейчел, сидя у окна, смотрит внимательным взором на все, что делается вокруг, начиная от ручьев и детей, и если она заметит что-нибудь странное или неуместное, то не обретет покоя, пока не дойдет до всех «отчего» и «почему».

Много есть людей, как в Авонлее, так и за ее пределами, которые любят заниматься делами своих соседей, упуская при этом из виду свои собственные. Но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем одаренным особам, которые, питая живой интерес к делам ближних, прекрасно управляют

и со своими. Она была отличной хозяйкой, в доме у нее все блестело: она вела кружок рукоделия для девочек, помогала организовывать занятия воскресной школы, была надежнейшей опорой благотворительной организации при местной церкви и общества поддержки миссионеров. И при всем том у миссис Рейчел хватало времени, чтобы сидеть часами возле окна своей кухни, вязать на спицах одеяла из толстых хлопчатых ниток — а связала она их уже шестнадцать, как с почтительным трепетом в голосе говорили друг другу хозяйки в Авонлее, — и неусыпно наблюдать за дорогой, которая сворачивала здесь в долину, а затем вилась вверх по крутому красноватому холму. Так как Авонлея занимала маленький полуостров в форме треугольника, выступавший в залив Святого Лаврентия и окруженный с двух сторон водой, всякий, кто направлялся в эту деревню или из нее, должен был пройти по этой взбирающейся на холм дороге. И потому, сам о том не ведая, предстал пред всевидящим оком миссис Рейчел.

Как-то раз в начале июня она сидела в кухне на своем обычном месте. Теплое, яркое солнце заглядывало в окно. Сад, раскинувшийся на склоне холма за домом, стоял в чудесном подвенечном наряде бледно-розовых цветов, над которыми с жужжанием вились мириады пчел. Томас Линд — скромный человек, которого все в Авонлее называли «муж Рейчел Линд», — сеял свою позднюю репу на склоне за коровником, и Мэтью Касберт тоже должен бы был сеять свою на большом поле у ручья, возле Зеленых Мезонинов. Миссис Рейчел знала, что должен, потому что слышала накануне, как он говорил Питеру Моррисону в магазине Уильяма Блэра в Кармоди, что собирается сеять репу на следующий день после обеда. Разу-

меется, Питер его об этом спросил, потому что Мэтью Касберт не принадлежал к числу людей, которые говорят о том, о чем их не спрашивали.

И однако вот он, Мэтью Касберт, в половине четвертого, в будний день, не спеша, направляется по дороге через долину. И что еще удивительнее — так это то, что на нем его лучший костюм и белый воротничок — неопровержимое доказательство, что он выезжает куда-то из Авонлеи. И едет он в кабриолете, запряженном гнедой кобылой, из чего ясно, что путь ему предстоит неблизкий. Так куда же Мэтью Касберт едет и зачем он туда едет?

Будь это любой другой человек в Авонлее, миссис Рейчел, минутку подумав, легко смогла бы дать ответ на оба этих вопроса. Но Мэтью так редко выезжал из дома, что только нечто весьма настоящее и необычное могло заставить его двинуться в путь. Он был на редкость робким человеком, и отправиться туда, где он оказался бы в обществе незнакомых ему людей или где ему пришлось бы с кем-то разговари-
вать, было для него тяжким испытанием. Мэтью в белом воротничке, в кабриолете — такое редко случилось. Миссис Рейчел долго размышляла об этом, но так ни к чему и не пришла, и вся прелесть безмятежного вечера была для нее потеряна.

— Придется после чая пойти в Зеленые Мезонины и выяснить у Мариллы, куда он поехал и зачем, — в конце концов решила эта достойная женщина. — Он никогда не отправляется в город в это время года и *никогда* не ездит в гости. Если бы ему не хватило семян и пришлось бы за ними поехать, то он не стал бы наряжаться и брать кабриолет. Не может быть, чтобы он направлялся за доктором, — он ехал слишком медленно для этого. Однако что-то несомненно произошло со вчерашнего вечера, что заставило его выехать из дома. Ну прямо загадка, скажу я вам! И я не успокоюсь, пока не узнаю, что же заставило Мэтью Касберта выехать сегодня из Авонлеи.

И вот после чая миссис Рейчел направилась к Зеленым Мезонинам. Идти было недалеко. От Долины Линд до просторного, утопающего в садах дома, где жила семья Касбертов, было всего четверть мили по большой дороге. Правда, потом предстояло еще пройти по довольно длинной тропинке. Отец Мэтью Касберта, такой же робкий и молчаливый, как и его сын, постарался, закладывая свое хозяйство, разместить его как можно дальше от соседей, возле самого леса. Зеленые Мезонины были выстроены на самом дальнем краю принадлежавшего ему расчищенного участка и там стояли по сей день, едва видимые с дороги, вдоль которой дружно расположились остальные домики Авонлеи. Миссис Рейчел никак не могла назвать дом, выстроенный на таком месте, *жилем*. — Это так, просто *крыша над головой*, скажу я вам, — говорила она себе самой, шагая по поросшей травой и обсаженной кустами шиповника тропинке с глубокими колеями. — Ничего удивительного, что Мэтью и Марилла оба чуточку странные, ведь живут они так обособленно. Конеч-

но, если деревья могут составить компанию, то их тут, слава Богу, вполне достаточно. Но я предпочла бы смотреть на людей. По правде сказать, оба они, кажется, всем довольны, но я полагаю, они просто привыкли к такой жизни. Ко всему можно привыкнуть, как сказал ирландец, приговоренный к повешению.

С этими словами миссис Рейчел ступила с тропинки на задний двор Зеленых Мезонинов. Весь в зелени, очень чистый и аккуратный, двор этот был обсажен с одной стороны высокими старыми ивами, а с другой — ровными пирамидальными тополями. Ни одной случайно оброненной палочки или камешка не было видно, ибо, несомненно, миссис Рейчел увидела бы их, если бы они там находились. В глубине души она была уверена, что Марилла Касберт подметает двор так же часто, как и дом. Можно было бы обедать прямо на земле, не опасаясь проглотить даже и комочка грязи.

Миссис Рейчел энергично постучала в дверь кухни и, услышав «войдите», вошла. Кухня в Зеленых Мезонинах была просторной и веселой... или, скорее, была бы веселой, если бы не поразительная, пугающая чистота, придававшая ей сходство с гостиной, в которой никто никогда не бывает. Окна были обращены на восток и на запад. С западной стороны через окно, выходившее на задний двор, лился в кухню поток мягкого июньского солнца. Восточное же окно, через которое можно было видеть усыпанные белыми цветами вишни в саду и слегка покачивающиеся стройные березы в долине у ручья, зеленело от выющегося вокруг него плюща. Здесь обычно и сидела Марилла Касберт, если уж она решалась присесть и отдохнуть, при этом всегда недоверчиво поглядывая на солнце, казавшееся ей слишком уж